

ДУХОВНОЕ НАСТАВНИЧЕСТВО КАК ЭТАЛОН ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. Е. ШАФАЖИНСКАЯ

В статье рассказывается о феномене духовного наставничества как высшей школе трансляции религиозного опыта старцев и духовно-нравственного воспитания личности на лучших образцах пастырского служения и индивидуального поведения. Цель статьи — краткий анализ и обобщение опыта православного духовного наставничества как уникальной коммуникативной пастырской практики, а также обоснование возможности интеграции нравственных идеалов и христианской этики в современную психолого-педагогическую культуру.

В нынешней социокультурной ситуации, когда происходит постепенное возрождение религиозной жизни части общества, особенно актуальным и перспективным представляется более глубокое рассмотрение феномена духовного наставничества, оказавшего благотворное влияние на всю отечественную культуру, включая педагогическую. Это касается, прежде всего, христианского отношения к личности учащегося и воспитанника, особого характера пастырской заботы, культуры слова, поступка и поведения субъектов общения.

Прежде всего обратимся к истории вопроса и иллюстрациям рассматриваемого феномена в разные эпохи. Духовное наставничество непосредственно связано с выдающейся ролью старчества, которое стало важнейшим условием спасительного подвига. Как феномен исключительно духовный, а не административно-структурный, старчество по-разному проявлялось на всем протяжении церковной истории в аскетической культуре. В эпоху раннего христианства оно развивалось как учительство и пророчество, или прозорливость, что отражено, к примеру, в памятниках церковной письменности II в. «Дидахи»; с начала IV в. старчество было представлено духовными руководителями монашества. О необходимости старческого окормления говорится в трудах святых отцов: св. Василия Великого, прп. Варсануфия Великого, Иоанна Лествичника, Аввы Дорофея, Марка Подвижника, Феодора Освященного, св. Петра Дамаскина и многих других подвижников благочестия эпохи Патристики¹.

Постулируя необходимость преемственности духовного опыта, преподобный Антоний Великий обращается к инокам с наставлением: «Твердо знайте,

¹ Древние иноческие уставы прп. Пахомия Великого, св. Василия Великого, прп. Иоанна Кассиана и прп. Венедикта. М., 1822. С. 352–362.

что ни успеть, ни возрасти, ни сделаться совершенными вы не можете, ни уметь верно различать добро от зла вы не будете, если не будете повиноваться отцам вашим. Отцы наши сами так поступали: повиновались отцам своим и их наставления слушали; оттого преуспели, возросли и сделались сами учителями»².

Преподобный Варсануфий Великий сущность и силу старческого руководства видит в «завете между старцем и учеником, по которому перед лицом Бога... старец берет на себя дело руководства души ученика ко спасению, а ученик безбоязненно всего себя, с душою и телом, отдает наставнику»³. Безусловно, такая высокая степень доверия ученика к своему духовному учителю становится возможной, как отмечает митрополит Трифон (Туркестанов), по особому благословению Божию и к самому старцу, и к его духовным чадам, благодаря чему духовное наставничество носит характер добровольных взаимоотношений любящего мудрого отца и сына. Таким образом, только на основе духовной любви происходит дальнейшее нравственное возрастание и правильная реализация всего творческого потенциала воспитанника.

Старчество как воплощение души народа издавна пользовалось особым почитанием на Руси. Это связано с тем, что старец, обладая высочайшей духовной опытностью, был для тех, кто искал путей спасения, мудрым наставником, нравственным вождем. Подчеркивая тот факт, что с самого начала существования Христовой Церкви прослеживается тесная взаимосвязь между духовным руководством и нравственным состоянием христианства и общества в целом, правомерно указать на прямую зависимость периодов расцвета или оскудения духовной жизни общества от возрастания или умаления роли духовного руководства, которое берет свое начало от святых апостолов⁴. Православные духовные учителя в процессе развития святоотеческой аскетической традиции становились, как правило, лучшими педагогами, воспитателями, психологами, руководителями. Они являлись подлинными врачевателями душ и просветителями народа.

Признавая всю сложность и неправомерность прямого сопоставления духовного наставничества с деятельностью педагога в современном образовательном учреждении, полагаем все же, что и нынешний специалист, опираясь на ценный опыт христианского наставничества, способен на личностном творческом уровне стать интегрирующим звеном в трансляции духовно-нравственных ценностей в социокультурную сферу, осуществляя посильную миссионерскую деятельность. Как через старчество из поколения в поколение с древних времен передается дух христианской жизни, так и через педагога, воспитателя, психолога могут передаваться личностно-экзистенциальные идеи православной культуры и этические принципы христианского поведения.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский) в своем труде «Православное учение о спасении» подчеркивает: «Иисус Христос

² *Святой Антоний Великий*. Духовные наставления. М. : Сретенский монастырь, 1998. С. 74.

³ *Протоиерей Александр Соловьев*. Старчество по учению святых отцов и аскетов. М. : Благовест, 1995. С. 57.

⁴ *Маслов Н. В.* Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Его пастырская деятельность и богословское наследие. М. : Издательство Московской Патриархии, 1999. С. 7.

принес нам прежде и главнее всего новую жизнь и научил ей апостолов, и дело церковного предания — не учение только передавать, но передавать из род в род эту зачавшуюся со Христом жизнь; передавать именно то, что не передается никаким словом, никаким писанием, а лишь непосредственным общением личностей»⁵.

Именно в таком непосредственном общении реализуются неповторимые стили и формы психолого-педагогической культуры духовных наставников разных эпох.

В этой связи уместно вспомнить глубину и тонкость личностного индивидуального подхода к духовным чадам преподобного Нила Сорского, который старался развить в своих последователях прежде всего внутреннее благочестивое настроение: соизмеряя труды и возможности воспитанников, духовный наставник не отягощал их жизнь чрезмерными дисциплинарными требованиями и учитывал, что «тела человеческие очень разнятся между собой по силе и выносливости, как разнятся медь, железо и воск»⁶.

Представитель противоположного направления единой монашеской традиции, преподобный Иосиф Волоцкий, стремился к той же цели, используя другой, жестко авторитарный педагогический прием: он укреплял волю своих воспитанников посредством неукоснительного исполнения ими всех требований монастырского устава и прибегал к строгим наказаниям за его нарушение. При этом сам же прп. Иосиф для монашествующих являлся образцом выполнения своих же требований: был игуменом, исполняя прилежно все монастырские должности; пел вместе с другими иноками на клиросе, переписывал книги. Строгость иноческой жизни он возвел в такую степень, что даже отказался увидеться со своей матерью, инокиней, которая перед своей смертью приходила проститься с ним⁷.

Высочайшая требовательность и строгость пастырей прежде всего по отношению к себе в сочетании с христианской любовью, неустанной молитвой за учеников и снисхождением к немощам своих духовных чад — одна из главных особенностей института наставничества, доминирующая на протяжении всего историко-культурного процесса формирования православной аскетической традиции в России.

Заслуживает внимания тот факт, что при всем многообразии уровней образования, индивидуально-психологических особенностей характера, стилей поведения духовных отцов и специфики их взаимоотношений с воспитанниками, даже при возникновении разногласий и необходимой строгости, между ними сохранялись мир и целостность духовно-нравственного союза.

Одним из наиболее ярких примеров данного феномена, несомненно, является Оптина Пустынь, где традиции старчества достигли наивысшего уровня, а

⁵ *Сергий, архиепископ Финляндский и Выборгский*. Православное учение о спасении. 4-е изд. СПб., 1904. С. 8.

⁶ *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Минск : Белорусский Экзархат, 2007. Т. 1. С. 430.

⁷ *Малицкий П. И.* Руководство по церковной истории. М., 2000. С. 194–195.

Оптинское старчество стало училищем благочестия и веры для всех, искренне ищущих спасения души⁸.

Оптинские старцы, как истинные философы, педагоги и психологи, всей своей жизнью явили пример того, что дело нашего христианского усовершенствования есть дело не теории, а практики. Преподобный отец Амвросий говорил: «Без показания и лапти не сплетишь, а тем более без показания не устроишь дома души своей. Можно хорошо знать заповеди Божии — о нищете духовной, о плаче, о кротости, о чистоте сердца и т. п., но от знания далеко еще до стяжания»⁹.

Очевидно, что для обучения этому необходим учитель, который не по книгам только, но и собственным опытом прошел всю эту мудрость. В свое время и этот учитель был учеником другого такого же учителя, и так — в глубину веков. Это последовательное научение в достижении христианского совершенства, в прохождении христианской жизни — и есть духовное окормление, позволяющее учителю всегда видеть состояние души своего ученика, дать ему необходимый совет или собственным поступком, словом показать достойный назидательный пример.

Таковы были преподобные Оптинские старцы, на главную черту которых указывает митрополит Трифон (Туркестанов): «Особенно отличились они (старцы) тою добродетелью, которая называется венцом всех других, — *любвеобильностью*. Если бы они не имели ее, то все их наставления и даже пример подвижнической жизни не принесли бы никакой пользы, были бы как медь звенящая или кимвал звучащий, по словам Апостола (1 Кор 13. 1). Она заставила их выйти на великий подвиг служения ближнему и давала силы претерпевать все лишения... Так жить и действовать мог только подвижник, совершенно отвергшийся от мира, свергший с себя все его узы, вдохновенный духом христианской любви»¹⁰.

Почти сорок лет в XIX в. управлял Оптиной обителью отец Моисей. В летописных материалах Оптины говорится о том, что за все время настоятельства о. Моисея его начальственного голоса никогда не было слышно; никогда не выделялся он из старшей братии, а был первый в храме, первый в трудах, по Евангельскому слову: «Болий в вас да будет всем слуга». К братии относился он с искренней любовью, имея в виду, что молодой человек — как воск: из него все можно сделать при благоразумии и братском терпении. Никого из монастыря он не выгонял, а даже, наоборот, чем более немощен был человек, тем больше о. Моисей уделял ему внимания и ходил за ним, как за малым ребенком, рассуждая при этом так: «Он пришел к нам в обитель искать спасения, с любовью пришел к нам, с доверием душу свою нам поручил в вечное спасение. А мы за его любовь заплатили ему презрением! Да не будет! Христос немощи всего человечества вос-

⁸ Акафист собору святых преподобных Оптинских старцев. М. : Приход храма Святого Духа сошествия, 2003. С. 28–29.

⁹ Собрание писем преподобного Оптинского старца иеромонаха Амвросия к монашествующим. Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1995. С. 5.

¹⁰ Собор преподобных отцев и старцев в Оптиной Пустыни просиявших. Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2001. С. 23.

принял на свои рамена, а мы не потерпим одного человека? Падших поднимают, немощных врачуют, а не топчут, не изгоняют. Какой же враг будет гонять от себя больных? За каждую порученную нам душу мы должны отчет Богу дать. Бог истяжет нас на Страшном суде, если мы дадим погибнуть душе нашего брата. Мы взяли его на свои руки, мы за ним ходили, мы его пестовали, за что же другой-то примет мзду за наше насаждение?»¹¹

Вразумляя воспитанников, о. Моисей никогда не позволял себе повышения голоса, крика, тем более оскорбления. «Если кто сделает что-нибудь неподобающее, он только потрет себе руки, пожует губами и молвит: “Да, недостаточен брат ты”. И больше ни слова»¹².

Особенно поражают, в сравнении с современной практикой психолого-педагогического воздействия, «методы наказания» о. Моисея: «Иногда же о. Моисей и наказывал, — чем бы вы думали? — подарками! Это смотря по вине. С трепетом ждет провинившийся в чем, как о. Моисей пришлет келейника с приказом явиться к нему на другой день, и, явившись, ждет себе выговора от настоятеля. Но он, встретив виновного благодушно, любовно, заговорит совсем о другом каком-либо предмете, не касающемся вины, и, вместо выговора, вынесет чаю или сахару и скажет: “У тебя, брат, чай, небось, уже вышел! Возьми, кушай на здоровье”. И только»¹³.

Подобное отношение и поступок на фоне преобладающей административно-карательной практики воспитательных воздействий выглядит экстраординарным, а в логике нынешних порядков большинства образовательных учреждений, — неконструктивным и даже неприемлемым. Однако христианский постулат «милость выше закона», воплощенный в духовном опыте наставничества, должен, на наш взгляд, доминировать в качестве базисного и приоритетного принципа педагогической культуры, определяя ее нравственный вектор и содержание.

Так, на вопрос одного из посетителей, помещика Богданова, как управлять подчиненными, преподобный Серафим Саровский отвечал: «Подчиненных храни милостями, облегчением от трудов, а не ранами. Напои, накорми, будь справедлив. Господь терпит, может быть, и еще потерпит. Ты так делай: аще Бог прощает — и ты прощай...»¹⁴

Образцов милосердного, любовного отношения духовного наставника к своим воспитанникам, духовным детям, подопечным в отечественной культуре немало, и стоит лишь сожалеть о том, что этот бесценный опыт великодушия практически не востребован и даже неизвестен большинству представителей социально-педагогической сферы в современном обществе.

¹¹ *Ераст (Выстронский), иеромонах.* Историческое описание Козельской Оптиной Пустыни и Предтечева скита (Калужской губернии). Изд. Свято-Введенской Оптиной Пустыни, 2002. С. 85–86.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 86–87.

¹⁴ *Дмитрий Троицкий, прот.* Житие преподобного Серафима Саровского // В кн. : Серафим Саровский. Житие. Пророчества. Беседы. Задушевное слово. М. : Голос-Пресс, 2003. С. 33.

В контексте сказанного приведем пример удивительной душевной красоты и педагогической тонкости из жизни преподобномученицы, Великой княгини Елисаветы Феодоровны Романовой, обладающей несомненным воспитательным талантом. По воспоминаниям Н. Е. Пестова, княгиня посещала детский приют, в котором воспитывались девочки от трех до шести лет. Начальница приюта подготовила детей к приезду Елисаветы Феодоровны и предупредила: «Когда придет Великая княгиня и войдет к вам, то вы все кричите: “Здравствуйте!” — и целуйте ручку. Поняли?» — «Поняли», — хором отвечали девочки. Когда же в приютский зал вошла княгиня, то толпа детей, встречая ее, стала протягивать ручки и кричать: «Здравствуйте и целуйте ручки!» Реакция Елисаветы Феодоровны на эту курьезную ситуацию была в духе ее выдающейся личности: она улыбнулась и перецеловала ручки у всех девочек, чем вызвала у начальницы приюта испуг, который не оправдался: на следующий день каждой из воспитанниц от Великой княгини были присланы подарки — куклы и другие игрушки¹⁵.

Как пишет протопресвитер Михаил Польский, «Великая княгиня Елисавета Феодоровна была редким сочетанием возвышенного христианского настроения, нравственного благородства, просвещенного ума, нежного сердца и изящного вкуса. Она обладала чрезвычайно тонкой и многогранной душевной организацией... Самый внешний облик ее отражал красоту и величие духа: на челе ее лежала печать прирожденного высокого достоинства, выделявшего ее из окружающей среды... на всей внешней обстановке Марфо-Мариинской обители и на самом ее внутреннем быте, как и на всех вообще созданиях Великой княгини, кроме духовности, лежал отпечаток изящества и культурности, не потому, что она придавала этому какое-либо самодавяющее знание, но потому что таково было непроизвольное действие ее творческого духа»¹⁶.

Надо сказать, что во всем подражая монахам-подвижникам, Елисавета Феодоровна с самого начала своей аскетической жизни и до последних дней находилась в полном послушании у своих духовных отцов. Прежде чем что-либо предпринять, она испрашивала благословения у священника Марфо-Мариинской обители протоиерея Митрофана Сребрянского и старцев Оптиной Пустыни, а также настоятелей других монастырей. Ее смирение, кротость и послушание были удивительными. Господь наградил ее даром духовного рассуждения и пророчества¹⁷.

Показательным примером доброго пастыря-педагога, воспитателя является и старец Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры преподобный Варнава (Меркулов).

¹⁵ Из воспоминаний Н. Е. Пестова. Заветы новомучеников и исповедников российских. К 5-летию прославления. Сретенский календарь за 2005 г. Изд. Сретенского монастыря, 2004. С. 205.

¹⁶ Михаил Польский, *протопр.* Новые мученики Российские. Джорданвилль, 1949. С. 276.

¹⁷ Дамаскин (Орловский), *иеромонах*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 3. Тверь: Изд. дом «Булат», 1999. С. 84; Святая преподобномученица Елизавета. Житие. Акафист преподобномученице Великой княгине Российской Елизавете. М.: Московская правда, 2001. С. 33.

Митрополит Трифон (Туркестанов), великий исповедник православия, посещавший иеромонаха Варнаву еще юным богомольцем и продолжавший духовное общение с ним в течение всей своей жизни, вспоминал о чувстве восторга и неземной радости, которое он испытывал после общения с о. Варнавой; он советовался с ним по каждому вопросу и получал благословение. Говоря о личности любимого пастыря, митрополит Трифон писал: «Он был необыкновенно строг к себе... никаких поблажек себе, никакой, даже самой невинной прихоти... Бывало, совершив с ним продолжительную литургию в Доме призрения и видя, что он торопится уехать тотчас после службы домой, скажешь ему: «Батюшка, да отдохните немножко!», но он обыкновенно шепнет, сжав мою руку: «Прости, не могу, ведь там их несколько сот дожидается, ведь они все скорбные, несчастные!» И какую любовью в это время звучал его голос!»¹⁸

Батюшка неизменно радовался, когда по вечерам к нему приходили его духовные чада. «С какой любовью занимался он с нами, — вспоминает один из них, — с каким терпением выслушивал он наши неразумные вопросы и как мудро, просто и отечески ласково наставлял нас»¹⁹.

Для братии монастыря двери его кельи всегда были открыты. На вопрос монахов, можно ли прийти к нему и когда, батюшка отвечал: «Во всякое время можете, как только свободны и имеете что-либо сказать мне, хотя самое маловажное по вашему мнению. Мы и сами советуемся и оттого в грязи не валяемся»²⁰.

Старец всегда охотно принимал собратий; он даже выговаривал, когда его «сынок», не смея беспокоить пастыря, садился где-нибудь в сених, ожидая, пока он сам не отворит двери. «Ты что же не постучал? Всегда, как придешь, стучи, за послушание стучи всегда», — говорил о. Варнава. И когда бы ни пришли к нему его «детки» — утром ли, днем, в часы отдыха или поздно вечером, никто и никогда не замечал и тени неудовольствия на его лице или в голосе.

Любовь духовного отца к своим ученикам — это прежде всего любовь жертвенная, а жертвенность — главный критерий любви к ближним. О таких отношениях, как главной идее старчества, говорил и осуществлял на практике замечательный духовный наставник, богослов и педагог XX века схиархимандрит Иоанн (Маслов), воспитанник Глинской пустыни. Смысл христианской миссии он выразил так: «Любить добро, плакать с плачущими, радоваться с радующимися, стремиться к жизни вечной — вот наша цель и духовная красота»²¹. До последнего дня он жил не для себя, а для людей. Даже уже тяжело больной, владыка просил: «Не препятствуйте людям приходить ко мне. Я для того родился»²².

Самоотверженная любовь — традиция духовного наставничества и подлинной педагогической культуры. Всероссийский пастырь, «старец в миру», праведный Иоанн Кронштадтский воплощал ее, будучи убежденным, что

¹⁸ *Филимонов В. П.* Духовный отец преподобного Серфима Вырицкого — преподобный Варнава Гефсиманский. СПб. : Сатисъ, 2002. С. 49–50.

¹⁹ *Аркадий, иеромонах.* Воспоминание о старце Гефсиманского скита Варнаве. Троице-Сергиева Лавра, 1917. С. 7.

²⁰ Там же. С. 6.

²¹ *Иоанн (Маслов), схиархим.* Тайны жизни и смерти // Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. М., 1995. С. 483.

²² *Маслов Н. В.* Указ. соч. С. 112.

«нужно любить всякого человека и в грехе его и в позоре его. Не нужно смешивать человека — этот образ Божий — со злом, которое в нем»²³. Эта идея пронизывала и все его педагогическое служение. Отец Иоанн, как известно, вел обширную просветительскую работу, преподавая свыше двадцати пяти лет Закон Божий в учебных заведениях города. Он был замечательным педагогом-законоучителем с высочайшей культурой учителя и воспитателя. Так, к примеру, он никогда не прибегал ни к чрезмерной строгости, ни к нравственному принижению «неспособных» учеников. Мерами поощрения у о. Иоанна не служили отметки, а мерами устрашения — наказания. Успехи учебы рождало теплое, сочувственное, душевное отношение батюшки как к самому педагогическому служению, так и к ученикам, среди которых «неспособных» у него не было. Уроки о. Иоанна были скорее удовольствием, отдыхом для учащихся, чем тяжелой обязанностью, принудительным трудом. Это была живая, искренняя беседа, увлекательная речь, интересный, захватывающий внимание рассказ. И эти живые беседы пастыря — отца со своими детьми — на всю жизнь оставались в памяти учащихся.

Такой способ преподавания о. Иоанн, выступая перед своими коллегами-педагогами накануне нового учебного года, объяснял необходимостью воспитать для Отечества прежде всего человека и христианина, отодвигая вопрос о науках на второй план.

Нередко бывали случаи, когда о. Иоанн, заступившись за какого-нибудь неуспевающего ученика, которого уже собирались исключить из Кронштадтского городского училища или классической гимназии, где преподавал батюшка, сам проводил с ним индивидуальную работу и следил за его исправлением. Проходило несколько лет, и из ученика, не подававшего, казалось бы, никаких надежд на успех, вырастал достойный гражданин.

В учебно-воспитательном процессе особое внимание о. Иоанн придавал чтению агиографической литературы и всегда приносил на уроки отдельные жития святых, которые раздавал учащимся для чтения на дому.

Характер такого преподавания Закона Божия о. Иоанном и высокая оценка его трудов были запечатлены в адресе, поднесенном ему в знак 25-летия его законоучительства в Кронштадтской гимназии: «Не сухую схоластику ты детям преподавал, не мертвую формулу — тексты и изречения — ты им излагал, не заученных только на память уроков ты требовал от них; на светлых, восприимчивых душах ты сеял семена вечного и животворящего Глагола Божия»²⁴.

Высоты преподавательской деятельности и педагогического мастерства проявили многие церковные деятели, богословы, ученые, обладавшие широким научно-исследовательским диапазоном и различными творческими дарованиями. Касаясь этого аспекта, назовем в качестве убедительной иллюстрации выдающегося пастыря и педагога, блестящего оратора XIX в. святителя Иннокентия Херсонского. За уникальный проповеднический дар его называли «русским Зла-

²³ *Святой праведный Иоанн Кронштадтский*. Моя жизнь во Христе. М.; СПб. : Изд. «Лествица»; Северо-Западный Центр православной литературы «Диоптра», 1998. С. 562.

²⁴ Там же. Указ. соч. С. 564–565.

тоутом»²⁵. По мнению А. Лопухина, преподавательская деятельность владыки отличалась оригинальностью взгляда на важнейшие вопросы науки, быстротой и пронизательностью ума, непобедимой диалектикой, содержательностью и красотой речи. Заботясь о фундаментальном философском образовании своих студентов, святитель Иннокентий стремился привить им любовь к проповедничеству, а также способствовал их всестороннему развитию. Так, он советовал ученикам не замыкаться в узком кругу своего специального предмета, читать книги и по другим наукам, например, по астрономии и естественной истории. Современники изумлялись обширности и глубине познания святителя Иннокентия Херсонского в различных областях человеческой деятельности, что можно считать безусловным достоинством педагога и духовного наставника. Военные, к примеру, утверждали, что о. Иннокентий замечательный тактик, медики с удивлением отзывались о его познаниях в области физиологии и патологии, а естествоиспытатели и физики — о его колоссальных познаниях в математике, астрономии, географии, статистике, химии и других науках; при этом владыка прекрасно владел французским и другими иностранными языками.

Отечественная культура, включая новейший период, богата личностями — образцами духовного наставничества, среди которых особо выделим митрополитов Московского Филарета (Дроздова) и Киевского Филарета (Амфитеатрова), святителей Игнатия (Брянчанинова), Феофана (Затворника) и Иннокентия (Попова-Вениаминова), митрополита Нестора (Анисимова), равноапостольного Николая Японского, святителя Макария (Невского), священномученика митрополита Петроградского Серафима (Чичагова), святителя Луку (Войно-Ясенецкого), митрополита Московского Владимира (Богоявленского); патриархов Тихона, Сергия (Страгородского), Алексия I (Симанского) и Алексия II (Ридигера), митрополита Сурожского Антония (Блума), архимандрита Иоанна (Крестьянкина), протоиерея Алексея (Мечева), протоиерея Александра Меня, игумена Никона (Воробьева) и многих других. Среди ныне здравствующих церковных деятелей и лидеров психолого-педагогической культуры приоритетное место занимает Патриарх Московский и всея Руси Кирилл (Гундяев); необходимо назвать архимандритов Кирилла (Павлова) и Тихона (Шевкунова), протоиереев Владимира (Воробьева), Димитрия (Смирнова), Андрея (Лоргуса), Артемия (Владимирова), игумена Киприана (Ященко); протодиакона Андрея Кураева, как яркий пример энциклопедичности и владения полемическим искусством. Данный список имен далеко не полон.

Важно отметить, что понятие «духовное наставничество» в условиях секулярного российского общества значительно трансформировалось и трактуется часто весьма расширительно, однако стержневая идея пастырского педагогического служения остается неизменной — «оно призвано помогать и содействовать главному в жизни каждого человека — делу личного спасения»²⁶.

²⁵ Лопухин А., *святц.* Предисловие к книге свт. Иннокентия Херсонского. Последние дни земной жизни Иисуса Христа. М. : Лествица, 2007. С. 4.

²⁶ Иоанн (Лудищев), *иеромонах.* Проблемы современного человека в письмах духовников XX века. М. : Сретенский монастырь, 2007. С. 7–8.

Определяя роль и назначение пастырства в современном мире, выдающийся старец XX — начала XXI в. архимандрит Иоанн (Крестьянкин) писал: «Великое дело духовничества продолжается и будет до конца дней. Но опыт духовничества древних отцов и даже нового времени нельзя перенести в новейшее. И верим, несомненно, благодати Божией, что как приводит Он ныне овец духовных, пусть больных и израненных, на пажити Свои, так даст и дает уже пастырей, в которых духовная благодать врачует их болезни, и вразумит, и восполнит оскудевшие духом сосуды душ»²⁷.

Специфика психолого-педагогических проблем современного человека, тем более молодого, требует от пастырей особой тонкости и понимания уровня, подхода, формы ведения диалога и точно выверенной интонации высказываемых наставлений. Хочется привести в данной связи художественно-эстетический и глубокий по содержанию труд протоиерея Артемия Владимирова «Любовь и вера», в котором автор отвечает на вопросы по поводу деликатнейших тем — любви, брака, семейных отношений, столь значимых в юном возрасте. Разговор, представленный в книге, свидетельствует о возможности и необходимости такой живой и доверительной беседы пастыря с молодыми людьми, наполненной не нарочитой назидательностью и схоластическим менторством, а искренней любовью и заботой о судьбах молодых.

Протоиерей Артемий Владимиров, в частности, пишет: «Как важно, чтобы наши дети, вступив в отрочество, не были изуродованы грубыми страстями, но берегли сердечную чистоту — дабы никогда Солнце Любви, Христос не зашло в их душах! Мы — родители, воспитатели, старшие — должны сами уметь любить и учить любить наших детей, чтобы они могли с радушием подать милостыню, почитая подобный визит самым важным и ответственным для себя делом... Мы призваны день за днем вкладывать любовь в детское сердце, чтобы лампада этой христианской добродетели, едва затеплившись, уже никогда не погасла бы от ветра похоти, себялюбия и эгоизма»²⁸. Научившись выстраивать воспитательные беседы по таким образцам, педагоги смогут, избегая прямого давления, убедительно разъяснить юношеству, что «Церковь — наша мать, и посему ее задача — ничего не рвать, а обновлять, возводить от худшего к лучшему. Церковь материнским взором вглядывается в сердца приходящих трудных детей. А ведь взор матери всегда сострадающий... Как бы низко не пало дитя, как бы ни исказились, ни обезобразились его телесные черты, родительница все равно видит в ребенке лучшее...»²⁹

О духовном образовании и воспитании как первоочередных задачах церковного служения не раз говорил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Выдающийся пастырь утверждал необходимость передавать детям и юношеству дух православной веры с тем, чтобы «открыть им прямой путь к неисчерпаемой сокровищнице Священного Писания и Священного Предания,

²⁷ Иоанн (Крестьянкин), архим. Письма. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2000. С. 15.

²⁸ Артемий Владимиров, прот. Любовь и вера. Диалоги о любви, браке и семейной жизни. М.: Артос, 2008. С. 10–11.

²⁹ Там же. С. 138.

восполнить то, чего не смогли создать родители»; Святейший называл это задачей церковных тружеников, пастырей и мирян³⁰. Напутственно и сегодня звучат слова Патриарха о том, что «судьба России, ее будущее — в руках пастырей, педагогов, воспитателей, учителей, журналистов, людей творчества»³¹.

Убедительным психолого-педагогическим примером такого пастырского общения с молодыми людьми стала недавняя встреча Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с многотысячной студенческой аудиторией университета им. Иммануила Канта в Калининграде. Открытый, прямой разговор продемонстрировал то, что соединение высокого интеллекта, духовности, общей культуры, вербального и коммуникативного таланта в лице православного первоиерарха может благодатно повлиять на нравственные и мировоззренческие ориентиры молодежи, остро чувствующей, свободно мыслящей и способной различать подлинные авторитеты.

В заключение статьи считаем возможным утверждать: духовное наставничество действительно является эталоном подлинной педагогической культуры, как уникальная пастырская коммуникативная практика, в процессе которой происходит непосредственное приобщение ученика к личному религиозно-нравственному опыту учителя и, благодаря этому, — дальнейшее творческое развитие личности на пути спасительного подвига.

Нравственные идеалы и принципы христианской этики, воплощенные в служении святых подвижников благочестия и выдающихся церковных деятелей, могут и должны специально изучаться в рамках гуманитарного историко-культурологического и психолого-педагогического образования. Внедрение этих идеалов в современную жизнь необходимо также ради сохранения русской православной аскетической традиции и повышения духовно-нравственного уровня нашей молодежи.

Ключевые слова: духовное наставничество, психолого-педагогическая культура, духовно-нравственное воспитание, христианская этика, святоотеческая аскетическая традиция, старчество, творческое развитие личности, православная аскетическая антропология.

³⁰ Служение делу христианского просвещения. Выступления Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Международных Рождественских образовательных чтениях (1994–2007). М., 2008. С. 102.

³¹ Там же. С. 124.

SPIRITUAL DISCIPLINE AS THE IDEAL OF THE PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CULTURE

N. E. SHAFAGINSKAYA

The article tells about the phenomenon of spiritual counsel as the higher school of communication of elders' religious experience and of a person's spiritual upbringing which is based on the best examples of pastoral ministry and the behaviour of individuals. The purpose of the article is the brief analyses and summary of the Orthodox spiritual instruction as a unique communicative ecclesiastical practice and also the argument for the possibility of integration of high moral values and Christian ethics into contemporary psychological and pedagogical culture.

Keywords: spiritual counsel, psychological and pedagogical culture, spiritual upbringing, Christian ethics, ascetic tradition of the Holy Fathers, elders' tradition, creative development process, Orthodox ascetic anthropology.